

АЛЕКСАНДР НАКУЛ

A detailed illustration of a young woman with long, flowing blonde hair in a high ponytail. She is wearing a traditional green and black kimono with a brown sash. She holds a long, green bamboo staff with both hands, which has a blue tassel and a brown cord. The background features a dramatic mountain range under a golden, hazy sky, with bamboo stalks in the foreground and a small figure sitting on a stone path in the distance.

ГОРНОСТАЙ

В НЕБЕСНОЙ ОБИТЕЛИ

Легенда о Горностае

Александр Накул

Горностай в Небесной Обители

«Автор»

2025

Накул А.

Горноста́й в Небесной Обители / А. Накул — «Автор»,
2025 — (Легенда о Горностае)

Он заброшен в мир китайской культуры, магии и боевых искусств. Здесь его знают, как мастера варварских боевых искусств по прозвищу Горноста́й. Между тем, Поднебесная охвачена мятежами и каждый видит в нём врага или добычу. Но есть и те, кто предлагает ему союз: продажные чиновники, циничные мятежники и даже один загадочный юный мститель. И заключить союз с кем-то из них означает стать врагом для всех остальных. Но он смотрит на суть человека, а не на цвет знамени. Он служит только правде, не важно, в какой из армий ему приходится это делать. Потому что только путём правды можно добраться до Небесной Обители — монастыря великих мастеров и мудрецов, где и обучают подлинной культивации.

Содержание

Часть I. Красные Повязки	5
1. Уголок Спокойствия	5
2. Веер Вдовствующей Императрицы	10
3. Удар, поражающий пять драконов за голубятней	15
4. Простите, я только чирикаю!	21
5. Отрубленная голова	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Накул

Горноста́й в Небесной Обители

Часть I. Красные Повязки

1. Уголок Спокойствия

Гостиница называлась «Уголок Спокойствия». Название, конечно, удачное – в этих словах ощущалось и дыхание древности, и простонародный уют. Наверняка владелец перерыл все Пять Классических Трактатов и шесть томов Несравненного Словаря Древних Рифм, пока не отыскалось нужное сочетание из двух иероглифов.

Но сейчас, при свете спокойного дня, она производила довольно скромное впечатление. Похоже, поиск удачного названия отнял у владельца все силы и дальше он уже не усердствовал. «Уголок Спокойствия» был типовым и недорогим, даже без конюшни: простой дом в два этажа с двускатной изогнутой крышей и резными деревянными ставнями на окнах и дверях, который приткнулся изнутри к самой городской стене, словно собирался под неё забиться и спрятаться. Прямо перед входом – выложенная серым камнем жаровня из цемента, и над ней греется чайник.

Из-за приоткрытой резной створки окна доносился какой-то разговор на два голоса. Даже со стороны было ясно: там обсуждают что-то очень интересное. И казалось, чтобы понять, о чём говорят, было достаточно увидеть тех, кто разговаривает.

Значит, посетителям тут рады. Даже если это такие сомнительные гости, как он, – лицом варвар, а по занятиям бродячий мастер боевых искусств. Причём высоченный, с длинными, как у отшельника, светлыми волосами, завязанными в хвост, и одеждой, что стала серой от дорожной пыли.

Уже по цвету волос, светлой коже и огромным синим глазам (так что он даже не пытался перекрашивать волосы, пытаясь сойти за своего) было ясно: он варварской крови и непокорного нрава. У него даже сословия нет, а верность правящему императору зыбкая – такая же зыбкая, если говорить начистоту, как и власть теперешнего императора.

Ему ни на мгновение не позволяли забыть, как мало он значит и где именно находится. Горноста́й уже привык, что в Поднебесной таким, как он, всегда будет место только где-нибудь в стороне, на самом краю общества.

Но тем легче тебе дышится, когда, по выражению древних поэтов, «странствуешь среди рек и озёр». Это означало бродить по диким местам в поисках уединения или, напротив, грозных испытаний – смотря по тому, чего требует прямо сейчас процесс твоей культивации. А ещё иногда сражаешься за свою жизнь...

Вот и сейчас Горноста́й пришёл в этот городишко.

Это было ещё одно из вереницы поселений, что попались на его почти бесконечном пути на Небесный Турнир. Многие из этих городишек были построены по стандартному квадратному плану и, как умели, копировали столицу. Но всё равно каждый из них чем-то отличался и в каждом поджидала какая-то своя, непохожая на другие опасность.

Чем будет опасен этот город – он пока не знал и даже не пытался предугадать. В таких делах он полагался не на рассуждение, а на то, куда прямо сейчас ноги несут. Пусть даже это чутьё и заводит его порой в места странные.

Он хотел потихонечку, без приключений, остановиться в гостинице. Пристроиться в этот «Уголок Спокойствия», раз уж через ворота пропустили, и тихо делать свои дела. Но прямо на пороге внезапно заинтересовался этим разговором.

Без всякого плана, просто поддавшись чутью, остановился возле окна и незаметно заглянул внутрь, чтобы увидеть тех, кто так яростно разговаривал. Ему хотелось понять, что там происходит, но и в то же самое время остаться пока незамеченным.

Изнутри нижний зал гостиницы смотрелся тесным, но уютным. Стены обшиты деревом, с потолка свисают цилиндры бумажных фонариков, немного пахнет подогретым кислым вином.

Те двое, что разговаривали, сидели прямо тут, под открытыми ставнями, и свет из окна ложился прямо на стол между ними. На столе белели опустевшие пиалки, а саму его поверхность ещё много лет назад кто-то расчертил на квадраты, превратив в поле для игры в «Окружение».

Именно в неё и играли те, кто разговаривал, причём вместо камушков им служили фасолевые бобы: белые и красные.

Мастерство игроков было достаточным, чтобы Горноста́й оказался не способен с ходу оценить позицию. Нет, это была не детская стратегия, когда игрок пытается во что бы то ни стало окружить противника, хотя прекрасно понимает, как легко от этого защититься. Напротив, игроки были достойны игры, и Горноста́й не мог с ходу определить, у кого преимущество. Оба игрока учитывали в своих ходах всю доску, оба явно не стремились к ничейной «вечной жизни», а из позиций он смог опознать только «громоздкую пятёрку».

Белыми фасолинами играл тощий мальчишка, в сорочке без рукавов и с немыслимо всклокоченными волосами, подвязанными когда-то белой повязкой. Его кожа была загорелая от долгих странствий под южным солнцем, а дорожная пыль так сильно пропитала его одежду, что Горноста́ю казалось, будто он может ощущать её запах.

А красными фасолинами орудовал пожилой серьёзный монах лет пятидесяти. Даже просто сидя у окна, монах выглядел каким-то незаметным, и даже его обритая голова была какой-то тусклой. Как и положено настоящему монаху, даже в гуще жизни он был от неё словно бы в стороне.

Было заметно, что эти двое разговаривают уже довольно давно и даже на столе перед ними уже не первая их партия. Горноста́й с трудом удержался от того, чтобы утонуть в потоке попыток угадать, как эти двое здесь оказались и что их связывает, – а вместо этого наострил уши и попытался разобрать, о чём они говорят.

– А правду говорят, к городу приближаются отряды мятежника, которого называют Красная Панда? – заметил мальчишка и выставил свою фасолину.

– Может быть, и так, – отозвался монах и выставил свою по диагонали в сторону. Он легко разглядел ловушку Поникшего Лотоса и одним удачным ходом разрушил этот замысел.

– Неужели вас это не беспокоит?

– А почему это должно меня беспокоить? Это же не я команду обороной этого города. То, что на этот раз распря двух мятежных Панд и одной Вдовствующей Императрицы добралась, получается, и до нас – это совершенно неудивительно. Наш уезд ещё почти не разграблен, а городок достаточно близок к столице. Следовало ожидать, что они со временем до нас доберутся. Это в пограничных областях гарнизоны как стояли, так и стоят.

– Как вы думаете, у отрядов Красной Панды получится взять наш город?

– Думаю, Красная Панда попытается его захватить. Испытать, так сказать, на прочность. Насколько я понял его стратегию, Красная Панда, с одной стороны, стремится угрожать Великому каналу, но с другой – избегает именно попыток захватить те города, которые стоят на нём, и перекрыть всё движение по каналу. Сначала это вызовет в столице большое смятение, а потом даже те генералы, которые остались вокруг Вдовствующей Императрицы, всё-таки выдвинут против него лучшие войска. И это может закончиться поражением. В его положении будет

разумно не перерезать Великий канал, а постоянно угрожать его перерезать. И попутно старательно маневрировать, захватывать не очень большие городки вроде нашего, устраивать внезапные набеги и быстро отступать. Чтобы гарнизоны городов, что обороняют Великий канал, изматывались от одного ожидания, а он, со своей не такой уж организованной армией, избегал бы больших сражений, которые могли бы закончиться плохо.

– С каждым вашим ходом мне становится страшно с вами играть, почтеннейший, – заметил мальчишка. – Если вы так легко разгадали планы коварного мятежника, то есть ли у меня шанс против вас?

– Шанс против меня есть у всех. Хотя бы потому, что я тоже человек и в любой момент могу допустить ошибку. Другое дело, что обычно мои соперники допускают ошибку раньше и проигрывают первыми. Видишь ли, есть одна важная подробность. Если держать её в уме, становится легче жить и играть.

– Мне играть с вами непросто.

– Тревожиться из-за моих пророчеств не стоит уже потому, что я могу и ошибаться. Мы же очень мало знаем о полководце по прозвищу Красная Панда. Он поддерживает какую-то свою династию Хон, что означает Красная, – это тоже вполне обычно, потому что не может в Поднебесье быть порядка, ни старого, ни нового, и не быть императора. Но при этом, в духе христианских вожakov прошлых времён, постоянно рассказывает о том, как сильно заботится о народе и как собирается вернуть благодные времена Яо и Шуня. Говорят, зерна тогда было в изобилии, а в чиновниках потребности не было, умирляли ирригационными постройками потоп, а городов не строили, с астрологами по государственным вопросам не советовались, но периодически и очень изощрённо казнили их за неверные предсказания. В этом его отличие от мятежного полководца Панды, мы даже толком не знаем, кто этот Красная Панда и откуда он явился.

– Я слышал, что на базаре кто-то называл его Мао. При этом это не то Мао, которое служит фамилией, а совсем другое значение – «кот». Кто знает, может быть, он происходит из Кошачьего города, что на Огненной планете, а к нам просто прибыл бунтовать народ. Интересно, как он это сделал, чтобы попасть к нам с Красной планеты: это какая-то секретная практика или он нашёл какой-то механизм, который позволяет совершать такие перелёты? А может, просто сговорился с небесными духами, у них же есть на небесах какие-то колесницы, в которых небесные контрольные чиновники с проверками ездят.

– Я там не служил, поэтому не знаю. Но чувствую, что власть – штука сама по себе соблазнительная. Ради неё с Красной планеты к нам перелетишь и не заметишь. Поэтому я, кстати, не думаю, что, даже если наш город будет захвачен, у нас что-то сильно от этого изменится. Что Вдовствующая Императрица, что этот Красная Панда думают примерно одинаково – их интересует власть. Единственная разница в том, что Вдовствующая Императрица собирается удержать власть, а Красная Панда – стремится её захватить.

– Но полководец Панда тоже стремится к тому же!

– Да, именно так. Поэтому между двумя мятежниками до сих пор нет согласия.

– А меня, если что, не очень волнует согласие между всякими мятежниками. Я просто не хочу попасть под топор раньше времени, – признался мальчишка, азартно выставляя очередную фасолину. – Мне вот даже думать не хочется, какой разгром здесь устроят мятежники, если город всё-таки попадёт в их руки.

– Если город падёт достаточно бескровно, то никакого разгрома не будет. Судя по тому, что Красная Панда до сих пор не побеждён, – он достаточно искусный стратег. Он прекрасно понимает, что уничтожить захваченный город означает уничтожить собственное имущество.

– Но города во время войны часто грабят и жгут вместе с жителями.

– Только если осада была долгой и осаждающие были настолько озлоблены. В старинных исторических хрониках можно прочитать удивительные вещи. Оказывается, без крови

нередко падают не только гордые города, но даже целые императорские династии. Я понимаю, у тебя есть те самые дела, про которые ты предупреждал меня не спрашивать. Я вижу, ты опасешься, что гибель остановит твоё путешествие... как говорили поэты, «среди рек и озёр». Я не могу уничтожить твой страх. Хотя бы потому, что этот страх – такая же естественная часть твоей природы, как чувство вкуса или левая рука. Но могу лишь сказать, что смерти боится любой человек, и повстречать смерть, когда скитаешься между рек и озёр, намного легче, чем в городе. Особенно если ты оказался в городе, который, скорее всего, не будут даже оборонять.

– А как же классики, которые питались папоротником, но не стали советниками дурного правителя? Или советник Луань, который уморил себя голодом, но убедил правителя не начинать войну?

– Смерти боится любой человек. Но есть люди, которые боятся чего-то ещё сильнее, чем смерти. Советник Луань настолько был озабочен судьбой государства, что этот страх был сильнее страха смерти. Он никогда не наносил удары ради власти и был готов умереть за свои убеждения. Его воля была настолько сильна, что он бесстрашно спорил с правителем и отдал свою жизнь, оберегая жизнь тех, кто мог погибнуть на той войне. Когда я думаю об этом, я даже немного радуюсь: мне-то, в отличие от советника Луаня, нет дела до судьбы государства.

– Получается, и на этой войне я должен просто ждать развязки?

– А что тебе ещё остаётся? Или ты думаешь, что, когда армия полководца Красной Панды подойдёт к городу, ты сможешь победить её в одиночку?

– А что, если попытаться?

– Надеюсь, ты собираешься сделать это голыми руками.

– Нет! Совсем нет! Ну должны же быть ещё какие-то варианты!

– Понятно, что кого-то из верхушки Красные Повязки обязательно казнят. Просто для того, чтобы дать понять: город захвачен всерьёз, новая власть здесь надолго.

– Но как сделать так, чтобы меня точно не тронули? У меня другие дела.

– Не жить? С покойниками обычно не воюют.

– А что, если я стану, к примеру, монахом, – вдруг предложил мальчик и выставил фасолину прямо в центре доски, открывая рискованную атаку.

– Я не в силах тебе этого запретить, – заметил монах, – но и не согласен одобрить тебя в общине. Но ты можешь поискать других монахов, которые согласятся принять тебя в послушники. Для этого нужно два человека, хотя в особо безлюдных местах допустимо приносить обет даже просто перед статуей Просветлённого.

– Вы полагаете, что я не гоюсь в монахи?

– Я скорее предположу, что ты не хочешь становиться монахом. Или, если говорить точнее, не знаешь, что значит быть монахом, – и только поэтому хотел бы им стать.

– Так укажите на мою ошибку!

– Опять же, могу ошибаться и я. И вот что я вижу: по-моему, ты считаешь, что монахи – это какие-то специальные люди, которых просто так обучают боевым искусствам, безмятежности и невозмутимости перед лицом любой угрозы. Это не совсем так. Нигде в Трёх Корзинах Учения Просветлённый не говорил, что необходимо учить монахов боевым искусствам, стратегии или чему-то подобному.

– Но этому обучают, я знаю точно, – заметил Маленький Тигр.

– Это просто местный обычай. В спорных случаях монах следует местным обычаям.

– Тогда вот что учтите: так я думал, когда был совсем маленьким. А сейчас после общения с вами я думаю уже совсем по-другому. Сейчас мне уже ясно: монах – это в первую очередь человек, который неустанно закаляет свой дух.

– Но я всё равно должен тебе напомнить, что от того, что ты станешь монахом, ты не сможешь побеждать в одиночку целую армию. Я пока не встречал ни одного монаха, кто был бы на это способен. А если кто-то и способен – в этом случае дело точно не в монашеских обетах.

– Зато я встретил монаха, который спокоен и невозмутим, даже оказавшись в городе, которому предстоит штурм мятежной армией. А этот монах – вы. А значит, научиться хотя бы этому возможно.

– А как же твои странствия?

– Может быть, если стану монахом, то вдруг обнаружу, что странствия мои совершенно бессмысленны и шататься среди рек и озёр – бесполезно.

Монах задумался – может быть, со словами мальчика, а может быть, это была позиция. Наконец, он сделал на доске один не очень ясный ход и ответил:

– Я тоже немножечко тебя изучил, и мне кажется, что монастырь тебе не годится. У тебя несколько неподходящие потоки энергии. Пожить тебе там будет какое-то время интересно, но это будет не больше чем очередная остановка на твоём жизненном пути. Монастырь может помочь, но способ этот не решит всех бед.

– В моём положении я готов на всё что угодно.

– Может быть и так, что монастырь никак не поможет тебе добиться того, что ты хочешь. Но, погрузившись в уклад, живя новой жизнью, ты, пожалуй, сможешь отвлечься и забыть о том, что тебя мучает. А может быть, ты даже продвнешься в Учении настолько, что для тебя это просто перестанет что-то значить. Тебе будет всё равно, добился ты своего или не добился, победил Красная Панда или не победил.

– Если Красная Панда и победит, но при этом Разящему Ястребу отрубят голову – то пускай побеждает.

– Когда ты достаточно продвнешься в Учении, тебе и до того не будет дела.

– И вы думаете, что это и пойдёт мне на пользу?

– Нет. Я просто описываю то, что могу предложить как честный торговец. Мой товар превосходный, но никак не волшебный. Я полностью выкладываю его на прилавок и не скрываю никаких его свойств.

Мальчишка подумал и сказал:

– Вы честный человек.

– Я стараюсь.

– А ещё вы знающий человек.

– А к этому и стремлюсь.

– Тогда скажите честно и полностью: стоит ли мне вообще тратить силы на Учение? Я уже один раз сломал себе жизнь, когда во всё это ввязался. Стоит ли мне ломать её ещё раз, чтобы теперь развязать этот узел?

– Ты не сможешь отвлечься от того, что и стало причиной твоего пути. Потому что даже в Обитель ты попадёшь по той же причине, по какой ты оказался на этих опасных дорогах. Рано или поздно ты либо сломаешься, либо сбежишь – ни с тем ни с другим монахам возиться не захочется. Может быть и так, что ты начнёшь вершить месть прямо в стенах монастыря. Несмотря на все обеты.

2. Веер Вдовствующей Императрицы

На первый взгляд, ничего не поменялось. Вокруг был всё тот же ясный и прохладный осенний день, Горноста́й по-прежнему стоял возле приоткрытого окна таверны, внутри продолжался всё тот же разговор, и даже столик между мальчишкой и монахом ещё не до конца заполнился разноцветными фасолинами.

Но после всего, что было сказано, их словно связала причастность к общей тайне. И единственным преимуществом Горноста́я в этом положении было то, что он был волен сделать вид, что ни при чём, и сбежать от этой тайны подальше.

Но он этого, разумеется, не сделал. Потому что для таких дел он и постигал своё мастерство.

– Мечь? – встрепенулся мальчик. – Почему вы сказали «мечь»? Кому я собираюсь, повашему, мстить?

– Простая закономерность: людей на этот путь толкает либо жажда любви, либо жажда мести. Человек может это забыть со временем, отвлекаясь на тренировки и битвы, но всё желание растёт обычно из одного из этих корней. Поэтому догадаться нетрудно.

– То есть вы понимаете мою беду, но сами не знаете, как её разрешить?

– Знаю только в общих чертах. Думаю, прежде чем зевать над схоластической премудростью, тебе надо будет взять какие-то уроки у мастера военных искусств. Когда речь в наше время идёт о любви и мести, мастерство в обращении с оружием поможет больше, чем грамматика или логика.

Мальчишка брезгливо поморщился, как будто заметил на доске клопа.

– Я думал об этом, но у меня больше шансов даже в монастыре, они сразу поймут, что я им чужой. Что я пришёл только затем, чтобы уйти.

– Возможно, со временем ты поймёшь, что дело, ради которого ты собирался загубить свою жизнь, всегда было не больше чем обманом, а монастырь – единственное место, где вообще можно жить по-человечески. Но может получиться и другой вариант: ты поймёшь, что по-настоящему жил только в те годы, когда стремился к тому, что считаешь справедливостью, а монастырь – это тихое место, где протекает глупая и скучная жизнь. Возможны и другие варианты. Я не знаю, какую из этих двух дорог ты выберешь. Но мне очень хорошо видно, что в тебе столько энергии, что ты наверняка пройдёшь её до конца.

– Я не буду у вас спрашивать, какая из этих дорог лучше.

– Правильно. Потому что ты сам понимаешь, что всё равно поступишь по-своему. Единственное, что могу посоветовать: не опоздай встать на выбранный путь. Сейчас, после начала распри, всё очень сильно ускори́лось: появилось много мастеров боевых искусств, и у них есть чему поучиться – в наше время их знания испытаны на практике. В наше время сильны именно мастера меча и других боевых искусств. А книжники, напротив, уязвлены и в смятении.

– Я понимаю, – мальчик ушёл куда-то в свои мысли и даже не сразу сообразил, что это его ход.

Монах едва заметно поднял брови, а потом внезапно добавил:

– Если задуматься, то и сама распря во многом началась из-за того, что среди сильных родов возродился интерес к боевым искусствам. Юношам знатных семейств было уже мало становиться просто уездными начальниками. К тому же чиновников можно всегда подготовить из простонародья. Возрождались безыскусные обычаи времён династии Шан, а вместе с ними возрождались и нравы той необузданной эпохи, когда всякий благородный человек, у которого нашлись деньги, желание и досуг на овладение искусствами, считал себя особой породой и ставил себя на одну доску с самим правителем. Мощь армии возрастала, она легко сокрушала варваров четырёх сторон света, но вместе с тем росла и гордыня военачальников, а уже из

неё вытекала готовность устраивать распри и убивать. Во времена детства моего отца дуэлями промышляли лишь варвары и те, кто им уподобился, – в основном это были жители пограничных областей. Сейчас же даже при дворе дуэли – обычное дело. А ведь они были запрещены как раз во времена Ся. Но если прежде этот закон бездействовал за ненадобностью, то теперь на него просто не обращают внимания.

Горноста́й невольно обратил внимание на то, что этот исторический экскурс пронзил мальчишку не хуже, чем удачно пущенная стрела. Что же в нём такого было сказано, что так сильно его встревожило?

По своему опыту Горноста́й знал, что со стороны подобную тайну разгадать не получится. Чтобы хоть что-то понять – надо и дальше слушать их интересный разговор.

– Вы имеете в виду дуэль, на которой убили... – заговорил мальчишка.

– Осторожнее с именами, – напомнил монах, – они бывают проклятыми и запрещёнными.

– Дуэль, на которой убили человека, – мальчик с трудом нашёл нужное слово, – который носил прозвище Сияющий Дракон, что усмирил Варваров Четырёх Сторон Света?

– По-твоему, причина распри именно в гибели Сияющего Дракона?

– Именно благодаря его победам северные варвары не пытаются чинить набеги.

– А вместо этого вербуются к повстанцам и правительственным войскам и грабят людей уже организованно и безнаказанно.

– Но всё равно, будь он в живых, – мятежники не посмели бы поднимать голову!

– Это может быть одной из причин. Но есть и другие.

– Кстати, Разящий Ястреб, с которым была эта дуэль, – он так и не понёс наказания.

– Думаю, этот Разящий Ястреб считает, что не заслуживает никакого наказания. У двух благородных и высоко стоящих людей были претензии друг к другу, они разрешили их кровью. Специально чтобы не впутывать ни клан, ни государство. Поэтому Разящий Ястреб и уверен, что для государства он не преступник.

– Если Разящий Ястреб так в этом уверен, то почему примкнул к Красной Панде?

– Думаю, потому, что у него при дворе были и другие враги, не только Сияющий Дракон. Люди вроде Разящего Ястреба живут войной и схваткой, они могут завоевать целую страну, сидя на коне, но и пытаться управлять ей будут, сидя на коне, – пока не сбросят под копыта. Я уверен, что он даже не поинтересовался, чего требует эта Красная Панда, что вообще за династия такая – Хон и что пишут на своих знамёнах Красные Повязки. Лишь бы за этими знамёнами шагала достаточно грозная армия.

– Вот именно таких людей и наплодила мода на дуэли. Про таких говорят: «Сделался сильным – стал счастливым, потому что умом больше не пользуется».

– Но такие же люди сейчас сражаются против отрядов Красной Панды. Так что положение Разящего Ястреба очень непрочно. Скорее всего, если его поймают, то убьют, причём весьма затейливым способом.

– Такой родовитый ублюдок всегда сможет вытягивать себя. Прощение и новый пост, пусть даже с понижением. Был он велик при дворе, и влез высоко в армии генерала Красная Панда. А если и тут прижмёт – перебежит на сторону другого мятежника Панды. Провинций много, ему есть где разгуляться. Это нам деваться некуда! Я уверен, его солдаты будут творить бесчинства. Не может быть в порядке армия, которой командуют Разящие Ястребы.

– Не думаю, что до нас им вообще будет дело. Брать у нас нечего, а боевые навыки есть. Скорее всего, нас просто не заметят. Возможно, с нами будут пытаться подружиться и даже предложат воевать на их стороне.

– И вы бы согласились?

– Я бы предпочёл применить то немногое, что умею, чтобы скрыться от таких предложений.

– Но вы же согласны, что из-за этой воинственности всё наперекосяк теперь.

– Да, прежде так и говорили: «Государь кормит, государь требует верности – благородному человеку полагается пища, от благородного человека требуется верность». Но ты совсем молод, а я уже старею. Это я должен оплакивать прекрасное прошлое. А молодым вроде тебя принадлежит будущее.

– Что делать, если мне это будущее не нравится?

– «Сражаться или погибнуть».

У мальчишки от стыда даже кончики ушей покраснели.

– Вы вот мне говорите, а сами мятежника Панду цитируете!

– Не думаю, что нам следует опасаться этого Панду. Его войска далеко. Что до его девиза – я думаю, Панда взял свой девиз из какой-то старой книги. Он же родом варвар, поэтому учился особенно усердно. Старых книг немало, не все из них классические. И тем более не все из них сдают на экзаменах.

– Он, кстати, тоже из-за этой армейской наглости пострадал. Я вот думаю, что, если бы при дворе следовали Ритуалу, госпожа Вдовствующая Императрица не стала бы хлестать полководца Панду при всех своим высочайшим веером.

– Я тебе даже больше скажу: если бы при дворе был порядок, то даже если бы и отхлестала, он бы не стал бунтовать, а просто ушёл бы в отставку. Но таковы обстоятельства на этом участке Великого Цикла. Ругаться по поводу ветра и дождя – это болезнь.

– И если невозможно покрыть кожей все острые камни – то будет проще сшить себе сапоги.

– Мне всегда приятно, когда юноша твоего возраста цитирует наставления Горных Учителей.

– От вас и нахватался. А вы, получается, тоже что-то подобное культивировали, – осторожно спросил мальчишка, не забывая при этом выставить фасолину в довольно удачном месте. – Вы же не с детства были монахом.

– С детства я был совсем другим человеком, но можешь считать, что тот, прежний человек уже давно умер, что не имеет значения с тех пор, как я надел рясу. У меня теперь совсем другие дела, другие заботы, даже имя другое. Просто я немножко помню историю. Когда я готовился к экзамену на чиновника, что-то учил, ну и внимательно смотрел по сторонам.

– А боевыми искусствами занимались?

– Чтобы раздавать советы, не нужно этим заниматься. Не нужно вообще ничего всерьёз делать, чтобы раздавать советы.

– Я хочу быть уверенным, почтеннейший, что как раз ваши советы и окажутся полезными.

– Я применил немного логики. Чтобы победить мастеров боевых искусств, нужно и самому быть мастером боевых искусств. Но чтобы хорошо обучиться, необходимо прежде тщательно выбирать учителя. Нередко искусство очень сильно отличается и даже не похоже на боевое – но принцип всегда один и тот же. Получается, тебе нужен учитель, который практикует необыкновенный стиль. Потому что, как ты, наверное, уже и сам убедился, без серьёзных боевых навыков далеко между рек и озёр не уйдёшь.

– А с чего вы взяли, что я вообще хочу таким заниматься?

– Мне ясно видно, что у тебя есть особый замысел, который и определяет твою стратегию. Ты наметил себе противника, и этот противник силен. Ты не можешь нападать на него ни напрямую, ни со стороны. И в то же время сомневаешься насчёт возможности заманить его в ловушку ложным отступлением. Я вижу, ты вот что задумал: пробраться к нему тайком, как бы через тайный ход, и поразить буквально в спину! Монастырь тебя интересует только как ещё одна возможность подобраться к врагу со спины и атаковать его неожиданно.

– Если вы уж раскрыли мой замысел, то поясните, почтеннейший, что именно в нём не так.

– Дело в том, что ты ищешь в монастыре какой-то хитрый проход. Но проблема в том, что монастырь – это не какой-то проход, не способ куда-то попасть. Монастырь – это тупик, кладбище, конечная станция. Никуда из него не надо идти, потому что ничего другого уже не нужно. В монастырь есть смысл добираться, чтобы попасть туда, а не для того, чтобы его покинуть.

– Скажите, у вас в монастыре есть мастера, которые что-то такое практикуют? Я слышал, что в монастырях много искусных бойцов и даже отшельники часто обучают внутренним стилям

– В нашем монастыре есть самые разные люди. В прошлом они много чем занимались. Это позволяет поддерживать хозяйство монастыря в порядке, несмотря на войну. Но кем бы они ни были в прошлом – сейчас они в первую голову монахи.

– Тогда, может быть, вы подскажете, как мне отыскать такого мастера. Чтобы и сам умел, и был готов меня учить.

– Я думаю, тебе будет лучше пробовать разных мастеров и выбрать того, чьё учение тебе ближе. Но если тебе надо отыскать наставника как можно скорее, то один такой мастер, пожалуй, прямо сейчас стоит возле окна и слушает наш с тобой разговор. Попробуй обратиться к нему. Он определённо что-то умеет.

На этом месте смутился уже и сам Горностай.

Отпираться было бессмысленно. Поэтому он улыбнулся мальчишке, который перевёл взгляд на проём окна, а потом степенно вошёл через двери и поклонился.

– Можете сесть за наш стол, – произнёс монах. Несмотря на показную скромность, он был здесь явно за старшего.

Горностай быстро заметил, что два других стола пусты. Видимо, все остальные, кто здесь ютился, уже ушли в город по своим тёмным делам.

И только потом опустил за столик, а служанка в выцветшем до серости халате с волосами, собранными в простой шар на макушке, поставила возле Горностая плошку с подогретым вином.

Видимо, какое-то свободное место в гостинице было – иначе она бы его предупредила. Просто так в таких местах вином не угощают.

Между тем игра закончилась. Позиция была сложная, и кто победил, по-прежнему неясно. Монах углубился в подсчёты результата, а мальчишка теперь во все глаза смотрел на Горностая.

Тот даже немного смутился, а потом сказал:

– Почтеннейший сказал правду. Я действительно бродячий мастер боевых искусств. Возможно, он был прав и в том, что я могу чему-то полезному тебя научить.

– Но вы, похоже, из варваров.

– Это настолько очевидно, что я даже не пытаюсь это скрывать.

– Что ж! Думаю, стиль, который вы практикуете, – как минимум непредсказуем.

– Не буду скрывать – мой стиль больше подходит для дуэлей. Я не ищу ни бессмертия, ни должности среди небесных духов. Но ты относишься к дуэлям с таким презрением, что, думаю, только такой стиль к тебе и подойдёт.

– Вы по виду чужеземный варвар, а по наблюдательности – проникательный монах.

– Учение Просветлённого тоже почиталось некогда варварским.

– А вы тоже этим интересуетесь?

– В монахи не стремлюсь, но отношусь с уважением. В этом учении немало мудрости.

– Я тоже так думаю! Монахи тоже сдают экзамены! Чиновники потому и завидуют, что должности за монашеские экзамены не дают, а значит, там и подкупа меньше.

– Этого пока не проверял. К экзаменам меня, варвара, никто не допустит. Видел только пострадавших.

– Как мне называть тебя? – мальчишка, похоже, ещё не совсем потерял скорлупу культурного воспитания. Он был готов учиться у варвара, но пока ещё не научился обращаться к нему с почтением.

– Называй меня Горностаем, – был ответ.

– Это прозвище или у вашего народа ещё не пользуются именами?

– Это имя не хуже других. Его легко запомнить, оно почти не запятнано.

– В таком случае будет здорово, если я буду для вас Маленький Тигр.

– Это просто прекрасно. Если меня схватят, то я не смогу тебя выдать, потому что не знаю твоего полного имени.

– А вы что, опасаетесь, что вас схватят и будут допрашивать? Вы совершили что-то против закона?

– Нет. Но вижу: кое-что опасное замыслил тот, кого я буду учить.

– Вы в чём-то меня подозреваете?

– Подозреваю, но не опасуюсь, – заметил Горноста́й, – потому что не мне нужно опасаться твоего гнева.

– Может, вы ещё знаете, кому всё-таки надо этого гнева опасаться?

– Полагаю, Разящему Ястребу. Ведь именно он командует тем отрядом Красной Панды, что наступает на наш город. Получается, вам предстоит встреча. Для него она будет внезапной, а для тебя – давно ожидаемой.

– Ничего себе, вы придумали...

– Я не знаю, как ты связан с этим Сияющим Драконом. Может быть, что и вовсе никак. Это делает тебя особо опасным, ведь твоя атака будет непредсказуемой. Но мне ясно, что ему следует опасаться твоей мести. А тебе – последствий этой мести.

– Вы думаете, я этого испугаюсь?

– Я думаю, солдаты, которых ведёт Разящий Ястреб, не будут просто стоять и смотреть, как ты пытаешься убить их полководца.

– Я уверен, что они ненавидят этого мерзавца!

– Возможно, они и считают его мерзавцем. Но если бы ненавидели, то уже убили бы. И уж точно не шли бы на штурм по его приказу. Это мятежники, в их армии не получится просто так назначить командира просто потому, что Вдовствующая Императрица соизволила печать приложить.

– Вот потому они и побеждают!

– Непохоже, чтобы это тебя радовало.

– Не радуется! Но не сильно и огорчает! Если династия не способна распространять своё влияние на всю страну даже силой оружия – какое может быть уважение к этой династии?

– Решено! – раздался внезапный голос.

Это был монах – о нём уже успели забыть.

– Ты выиграл, – сообщил монах, – с перевесом в пять очков. Великолепно!

Он поднялся из-за стола и пошёл прочь. Мальчик и Горноста́й посмотрели ему вслед, а потом опять перевели взгляд друг на друга.

– Я играю не очень сильно, – осторожно заметил Горноста́й, – а ты, я вижу, способен иногда даже его побеждать. Скажи мне, что он за игрок?

– Он играет сильно, очень сильно! – пояснил Маленький Тигр, собирая фасолиты обратно в мешочки. – Но мне всегда поддаётся. Сам не понимаю, как он это делает. Настолько непостижимо его мастерство!

3. Удар, поражающий пять драконов за голубятней

Горноста́й, конечно, даже не предполагал, что ему в этом городке придётся давать уроки своего уникального стиля.

Как и то, что эти уроки могут быть и бесплатными.

Но он был готов к чему-то подобному. Жизнь странствующего мастера боевых искусств полна таких неожиданностей.

И пускай мальчишка вёл крамольные речи против правящей династии, а колонна другой, ещё более мятежной династии, подступала к городу, Горноста́й считал, что его собственная позиция хороша, пусть даже до конца игры ещё далеко.

Но, разумеется, он только что наблюдал перед собой двоих игроков, которые весьма превосходили его в оценке позиции. Но эти сильные игроки, похоже, были не против стать его друзьями. А это ценное приобретение, особенно если живёшь с такими в одной гостинице.

Маленький Тигр был настолько взбудоражен, что был готов перейти к тренировкам хоть немедленно, этим вечером. Однако у Горноста́я были пока и другие дела – те самые дела, которые и привели его в этот город. Несмотря на то что этот город стоит на опасном рубеже и скоро, возможно, окрасится кровью.

А пока Горноста́й заселился в этот «Уголок Спокойствия», оплатил за неделю. Хозяйка не выдержала и спросила:

– Вы платите с такой уверенностью потому, что знаете точно: в ближайшую неделю Красные Повязки нас не возьмут?

– Этого я предсказать не могу, – ответил Горноста́й, – а селюсь у вас с такой уверенностью только потому, что меня не особенно волнует судьба вашего города. Возьмут его Красные Повязки или не возьмут – меня это никак не касается. Да и вас, я думаю, тоже. Едва ли они поубивают всех жителей. Напротив, полководец Красная Панда обычно заигрывает с простонародьем.

– Но могут начаться грабежи.

– Грабежей я тоже не особо пугаюсь. Брать у меня почти нечего. А тот, кто всё же попытается, – дорого за это заплатит.

– А нам что делать? Простым людям, которые не сильны в бою?

– Сдавать комнаты мастерам боевых искусств вроде меня – и надеяться, что они будут вас защищать, – спокойно ответил Горноста́й.

И зашагал прочь, оставив хозяйку в полном недоумении.

Его путь лежал к середине города, где сразу за рынком располагалась старая, тесная и в то же время очень прославленная усадьба. По его сведениям, хозяин был ещё жив, но вместе с ушедшей эпохой уже прошла и слава её хозяина – знаменитого учителя Ша.

Усадьба тоже изменилась. Теперь её переделали под обычный заезжий двор, а про новых учеников хозяина вообще не было слышно.

Сперва Горноста́й даже думал попытаться здесь поселиться и всё разнюхать на месте. Но потом решил, что такая дешёвая хитрость будет слишком раздражать старого хозяина. Учитель Ша был ещё достаточно крепок умом, чтобы разгадать подобный приём, но и в то же время достаточно по-старчески раздражительным, чтобы прогнать хитреца взашей и не дать ему даже слово сказать.

А Горноста́й пришёл сюда не ссориться, а учиться.

Во внутреннем дворике пришлось пробираться между телегами, от которых порядочно пахло дёгтем. Горноста́й обогнул голубятню – за бамбуковой решёткой звонко хлопали крылья – и оказался в главной комнате.

Учитель Ша был на месте – всё такой же невысокий и худой, только лицо пошло морщинами, а борода сделалась уже совершенно седой. Крепко сбитый, он двигался быстро и как раз отдавал какие-то распоряжения своей поздней дочери – стройной девице с ясным лицом и в дешёвом зелёном платье.

Но на стенах небольшого главного зала, как и прежде, можно было увидеть оранжево-красные флажки с кисточками, мечи с ножнами из зелёной акульей кожи, звенящие колокольчиками уздечки. А где-то в совсем тёмных закутках этого дома скрывались длинные копья, отравленные стрелы и толстые щиты, ярко расписанные цветами и змеями... Казалось, коснётся этого старинного оружия – и снова зазвучат острые словечки и крепкая брань всевозможных бродяг, а в душе проснутся их слава и доблесть...

Услышав шаги Горноста́я, учитель Ша повернул к нему навстречу сумрачное лицо с седыми бровями и тут же нахмурился: он не узнал этого гостя.

– Кто ты и с чем явился? – спросил хозяин.

– Зовусь я Горноста́й, а явился к вам за учением, – скромно ответил светловолосый.

– Гнать его? – поинтересовалась девушка в зелёном платье.

– Пока не надо, – важным голосом ответил старик и разгладил бороду. – Он из тех, у кого и лицо, и голова в порядке. В наше время большая редкость, – старик снова обратился к гостю: – Что это за имя такое, варвар?

– Это варварское имя.

– У тебя есть клан?

– Если и был – я давно с ними не общался. Странствуя среди рек и озёр, слишком далеко, чтобы клан мог мне как-то помочь.

– Откуда ты родом? – сурово продолжил расспросы старик.

– Из города Мо. Место незначительное.

– Можешь туда возвращаться! У нас не осталось свободных комнат!

«Видимо, потому, что мало кто из перевозчиков готов отправиться в путь напрямик навстречу армии Красной Панды, – смекнул Горноста́й. – Так что в городе застряло немало повозок».

Но он продолжил гнуть свою линию.

– Я слышал от людей, которым доверяю, – заговорил он, – что учитель Ша ударом кулака свалит быка, пинком забросит человека на крышу дома, и всё это – что важно! – совершит без особых усилий!

– Сами они такого, конечно, не видели, – проворчал старик.

– А ещё я слышал, что вас прозвали Учитель Ша с непобедимым копьём. Ваше мастерство было подобно небесному мечу императора Хуан-ди: вы были способны с лёгкостью «рубить металл, рассекать нефрит». Вы работали в технике «разящее копьё» и разработали уникальный удар, поражающий пятерых драконов, которому нет равного во всей Поднебесной. Копий у вас в достатке. Согласитесь ли вы поделиться со мной вашим искусством?

– Варвар, ты опоздал, – учитель Ша указал на свой живот. – Я растолстел!

– Но я не прошу вас сражаться. Прошу лишь научить меня вашему удару, поражающему пять драконов. Чтобы он не пропал вместе с вами!

– Моему удару? – усмехнулся старый учитель. – А я его и сам уже забыл. Начисто забыл!

– Телу непросто что-то забыть. Ваш разум может так думать, но тело-то помнит движения в потоках энергий.

– Увы, я живу ближе к этому телу и этому разуму. Мне лучше знать, что они помнят, что нет.

– Я слышал, что в былые времена, когда был казнён Цзи Кан, то вместе с ним исчезла и исполняемая им мелодия «Гуанлин сань», – напомнил Горноста́й. – А ведь эту мелодию создал

Нэ Чжэн, чтобы убить царя Хань. Это была великая потеря для музыки – а ещё великий успех для бесчестных правителей.

– Ты так сильно хочешь ссориться с бесчестными правителями? Я вот – не хочу. Я жить хочу. Я долго жил, я привык.

– Но ваша техника может помочь выжить другим...

– Мои техники созданы, чтобы забирать жизнь, – напомнил учитель Ша. – Бесчестные правители культивируют только разврат и пьянство. Но этого им достаточно, чтобы придумать задорную казнь для врагов. Поэтому Цзи Кан для меня – не образец мудреца. И я не советую тебе брать его в образцы мудреца, пускай даже твой организм пока в целости.

Горноста́й смутился – старик оказался просто неприступным. Куда неприступней, чем стены этого города...

– Я ни в коем случае не симпатизирую мятежникам, – осторожно продолжил варвар. – Меня интересует именно ваша техника. Я опасаясь, что она будет утрачена.

– Если она будет утрачена, то перестанет быть опасной. Тем лучше! Есть и другие, пусть их изучают.

– Мне она необходима.

– Чтобы людей убивать?

– Для Небесного Турнира.

На этом месте смутился уже учитель Ша.

– Если ты шутишь, то очень по-варварски, – заметил он.

– Я говорю серьёзно. Я путешествую, чтобы быть на Небесном Турнире.

– С чего ты взял, что Небесный Турнир вообще существует?

– Я узнал об этом от вестников.

– Что это за вестники?

– Ну, вестники. Которые приходят к тем, кто вроде как подходит к Небесному Турниру.

– Как они выглядят, эти вестники?

– Вы и в это не верите?

– Я о них слышал. Хочу узнать больше. Ко мне никто из таких не приходил. Но я про них слышал.

Тут уже горестно вздохнул Горноста́й.

– Этого я сказать не могу, – признал он. – Слишком далеко и давно это было. Не то что в другом краю, а можно сказать, в другом мире.

– Может быть и так, что и невозможно для человека о них что-то знать, – многозначительно добавил старый мастер. – Они всё равно что императорская гвардия – если к тебе придут, ты всё равно поймёшь, кто пришёл.

– Думаю, так и есть.

– А если так и есть – то тем более не научу!

– Вы не сможете мне это запретить! – настаивал Горноста́й. – Я буду ему учиться у ваших учеников! Или у тех, кто учился у ваших учеников!

– Вот и замечательно, вот их и ищи!

– Неужели вы думаете, что я собираюсь использовать вашу технику, чтобы творить зло?

– Я сам не знаю, как это лучше использовать. И тем более не отдам это варвару из неведомых земель.

– Но ваши годы на исходе!

– Да! Я старый и дряхлый, даже если тело что-то помнит, я не смогу этого повторить.

– Нет, вы совсем не одряхтели. Я хотел сказать, что смерть может поразить вас в любую минуту...

– Как и кого угодно ещё в это нелёгкое время.

– Вы отлично годитесь даже для Небесного Турнира!

– Если так – то тем более не научу! Зачем мне готовить соперника! О нет, даже и не мечтай! Удар, поражающий пять драконов, – ишь чего захотел.

Старый учитель Ша поднялся и ушёл куда-то во внутренние комнаты, продолжая бормотать что-то себе под нос.

Горноста́й поднялся и почтительно поклонился ему вслед, а потом перевёл взгляд на девушку. Та смотрела на него как ни в чём не бывало.

– Вы могли слышать, – пояснила она, – что мой батюшка – человек непреклонный.

– Слышал, естественно.

– А теперь вот убедились в этом лично.

– Но я надеюсь, что ты не такая. Скажи, ты могла бы дать мне пару уроков? Я уверен, что отец передал тебе этот удар.

– Ничего подобного! Мне незачем такому учиться. С драконами я воевать не собираюсь, и денег с меня за обучение не получишь.

– А я был готов заплатить.

– Нам хватает доходов с гостевого двора. Кстати, остановиться здесь тоже нельзя. Все комнаты заняты.

– Я предполагал. Но в таком случае – ты бы согласилась сходить со мной на свидание?

Девушка так и прыснула от этого предложения.

– Увы, – ответила она, – с этой стороны тоже закрыто. Наша крепость «У Голубятни» совершенно неприступна.

– И что же мне тогда делать? Спрошу точнее: что бы вы сделали в моём положении?

– Пошла бы прочь. На нашем гостевом дворе нет изменников.

«Изменников пока нет, но императрица уже завелась», – подумалось Горностаю.

Он не стал даже пытаться спрашивать о том, где можно отыскать других учеников, которые могли помнить легендарный удар. Ни капли тайны не должно было просочиться из усадьбы «У Голубятни».

Горноста́й поднялся и снова запетлял между телег. Хозяев заметно не было: видимо, попрятались по комнатам и ждали, что будет, а может, обстрипывали в городе какие-то сомнительные дела.

Он вышел из ворот, огляделся, обдумывая, что делать дальше, а в следующее мгновение что-то подсекло его ноги, и Горноста́й грохнулся на землю.

Уже падая, он успел немного развернуться и увидел, что над ним, почти неразличимо-чёрная на фоне неба, возвышалась дочь учителя Ша и целилась в него копьём с зелёной, под цвет её платья, ленточкой. Остриё копья покачивалось прямо у него над лицом.

Горноста́й отпустил посох и показал ей две открытые ладони, демонстрируя, что он не будет сопротивляться. А потом спросил:

– За что?

– Ты собирался попытаться напасть на моего батюшку исподтишка, – произнесла девушка таким тоном, словно это была самая очевидная вещь на свете.

– Но зачем?

– Чтобы он всё-таки повторил свой знаменитый удар на твоей гнилой шкуре.

– Даже если это и так – в подобном совершенно нет смысла, – заметил Горноста́й. – Если бы он применил этот удар по мне – я просто погиб бы на месте. Я не успел бы даже понять, что это был тот самый удар.

– Тем не менее тебе лучше забыть к нам дорогу, – произнесла девушка, но копьё убрала.

Горноста́й осторожно поднялся, стараясь не делать лишних движений. Отряхнулся и только потом сказал:

– Тем не менее я кое-что узнал.

– Узнал, что тебе тут не рады? Об этом ты мог и догадаться.

– Я узнал, что учитель Ша всё-таки обучил свою дочь кое-каким приёмам. Возможно, среди них есть и удар, поражающий пять драконов.

– Если ты думал меня удивить – у тебя не получилось, – произнесла девушка. Она явно очень старалась, чтобы сохранять невозмутимое лицо. – Разумеется, отец делает всё для нашей защиты. Война уже на пороге. И нам, девушкам, надо учиться защищать себя.

И скрылась за воротами.

Между тем из-за створок потянуло ароматом печёного мёда. Горноста́й принялся и понял: это жарили на обед голубей, напигованных луком и яблоком.

Но пришлым варварам они не полагались. Так что он зашагал обратно в «Уголок Спокойствия», размышляя над тем, что услышал.

Похоже, он узнал из последней реплики ещё кое-что.

Дочь учителя Ша – к слову, было бы полезно узнать её имя – сказала, что отец обучил «нас, девушек». Интересно, кого она имела в виду. Получается, была ещё как минимум одна какая-то девушка, которую он обучал своему стилю. И среди этих приёмов мог быть и удар, поражающий пять драконов.

Он пока не знал, как это использовать. Но знать хоть что-то о тех, кто, может быть, знает нужный тебе приём, – это уже первый шаг к его изучению.

Кто же эта девушка? Она могла быть и кем-то из сестёр, и просто ученицей, которую привели под голубятню неведомые пути.

Последнее он и собирался проверить.

Добравшись до своей гостиницы, он отыскал хозяйку на заднем дворе, где она рыхлила небольшой огородик.

Горноста́й поискал нужные слова, не нашёл и потому спросил напрямую:

– Вы что-нибудь слышали о детях учителя Ша, который владеет гостевым двором «У Голубятни»?

– Разное о них говорят. Как по мне, это не гостевой двор даже, а что-то вроде усадьбы клана. В городе они тихо держатся, но люди говорят, они много что умеют.

Это Горноста́й знал и так.

– Я много слышал об учителе Ша, – продолжил он, – но ничего не слышал о его детях. У него есть молодая дочка, но неужели кроме неё никого.

Хозяйка начала вспоминать.

– Ну дочка у него от последней жены, – заговорила она, – а двое старших сыновей, уже совсем взрослые, если ничего не перепутала, в столичной гвардии служат, а может, и не служат уже. Он не особо про это распространяется. Мастер он великий, к нему из всех уездов учиться раньше приезжали, но даже он с Красными Повязками проблем не хочет. Чтобы не пришлось отвечать, почему он здесь, а два его сына – в императорской гвардии.

Итак, два парня и они далеко. Значит, это какая-то посторонняя девушка.

И уже это было в ней интересным.

Но Горноста́й понимал, что углубляться в это можно бесконечно. Сейчас его мысль провалится в эту бездну из домыслов – и поминай как звали.

Надо подремать. А потом потренироваться с этим Маленьким Тигром. Хорошо бы узнать больше о его мастерстве.

– А где Маленький Тигр? – осведомился он. – Он сейчас у себя в комнате?

– В город ушёл, – отозвалась хозяйка, снова склоняясь над грядкой. – Сразу после вас. И до сих пор не вернулся. Мальчишка, дело такое. Сами понимаете, сами таким были...

«Надеюсь, он не попадёт там в беду, – думал Горноста́й, поднимаясь в свою комнату, – из-за своего длинного языка и боевого характера».

Это было опасное сочетание. Но если посмотреть с другой стороны: как воспитать настоящего бойца без этих качеств?

Как сказал кто-то из классических поэтов древности, «недостаток большого поэта порой становится его достоинством».

Комната показалась ему теснее, чем выглядела, когда он её снимал. Он скинул верхний путевой халат, аккуратно пристроил посох возле всё ещё свёрнутого матраца.

Потом опустился на пол и решил погрузиться в медитацию, чтобы очистить разум и немного подремать.

Но задремал почти сразу.

4. Простите, я только чирикаю!

Горностаю снился тот мир, который он давно покинул. Это был один из тех навязчивых снов, бредовость которого понимаешь даже изнутри. Вроде вечной темы тоскливого, как зубная боль, школьного экзамена или бесполезного семестра, который надо доучиться. Ты отлично помнишь, что давно отучился в университете и даже работа вроде бы у тебя есть, но ты всё равно в школе и должен всё сделать, потому что со школой не спорят. И воспринимаешь это пускай и с досадой, но как что-то обыденное, хотя давно отвык от этих скрипучих деревянных полов и сумеречных коридоров.

Вот и сейчас он видел вокруг дома и детали прошлого мира, но они были привычными и не удивляли. Хотя он уже едва смог бы сказать, как это всё называется.

На этот раз он не страдал в школе. А просто шёл по улице Набережной мимо остриженных пирамидальных тополей. Горноста́й ясно помнил, что ему уже снилось это место, только в прошлый раз мимо него проезжал пузатый красный автобус.

Он не особенно удивлялся, потому что раньше жил где-то в этих местах. И пока не знал, в какую историю влипнет.

Добравшись до того самого поворота, он невольно посмотрел в ту сторону. Автобуса не было, зато обнаружилось нечто не менее удивительное.

Ближайший дом и дом чуть подальше остались прежними. А вот девятый дом по бульвару Шевченко (Горноста́й не помнил, что это за человек, но бульвар назывался именно так) выглядел совсем непривычно: между пятиэтажками на месте девятого дома обнаружилась самая настоящая гора бессмертных, какой её рисуют на свитках: складчатый холм высотой в те же пять этажей, засаженный криптомериями, с пагодами, лесенками и мостиками до самой вершины.

Как ни рылся Горноста́й в памяти, он так и не смог вспомнить, что это за холм такой и кто там обитает. Но в этих домиках с типовыми для Поднебесной крышами определённо кто-то жил – там копошились какие-то люди, которые с такого расстояния казались мелкими, как муравьи.

Надо было с этим разобраться. Горноста́й пошёл в ту сторону, но бульвар Шевченко сильно изменился за годы его странствий по Поднебесной. Прямо под его ногами вдруг обнаружился огромный овраг, и было невозможно даже представить, как его обойти.

Поэтому он решил двигаться напрямик и начал спускаться в яму. Земля расползлась под ногами, пахло смертельной сыростью.

Наконец, он оказался внизу. И пожалел, что вообще сюда полез.

В яме под обрывом были сложены огромные, чуть больше человеческого роста, фигуры, с кровавым месивом вместо лиц, замотанные в белые саваны. Их перекладывает смуглый здоровяк по имени Цзе, плечистый, узкоглазый, с лицом восторженного безумца.

Горноста́й не очень понимал, что там происходит. Но он определённо не хотел рядом с вот таким находиться. И он начал выбираться обратно, хотя тянуло холодным ветром и казалось, что небо над головой изготовлено из тусклого стекла.

Но земля осыпалась под его пальцами. И казалось, что он, напротив, проваливается всё глубже и глубже...

Интересно, что это за место на волшебном холме? Как оно называется? Почему-то ему казалось, что если он угадает правильно, то и выберется быстрее, непокорная земля отпустит его и он всё-таки сможет добраться и проверить.

Может быть, это тот самый монастырь Небесной Обители, который посещают даже бессмертные и где бережно хранят традиции пяти классических школ боевых искусств? Он много слышал про это место, попасть туда можно только с личного разрешения его настоятеля. Ока-

заться на тамошних тренировках мечтали все, кто бродил между рек и озёр, но никто не мог подсказать ему, где именно этот монастырь расположен.

Если это он и есть, то многое становится понятным. Действительно, никому и в голову не пришло бы искать знаменитый монастырь на месте дома номер девять по бульвару Шевченко. Это показалось ему весьма весомым аргументом.

С другой стороны, он был почему-то уверен, что монастырь Небесной Обители выглядит совершенно не так. Хотя никогда в жизни его не видел и никогда не читал его описаний.

Одним словом, перед ним была великая загадка, и он должен был её разрешить. Но пока не мог даже выбраться из этой сырой ямы...

* * *

Горноста́й открыл глаза и обнаружил, что ночной полумрак наполнил комнату, как вода наполняет бассейн. Он был на самом дне этой ясной ночи и мог очень отчётливо разглядеть стены, отодвинутую дверь и грузного здоровяка в длинном плаще, который стоял возле входа и ждал, когда постоялец проснётся.

Горноста́й присмотрелся и вдруг узнал его. Это был тот самый Цзе из его сна. Но теперь его лицо выглядело куда осмысленнее.

– Я в чём-то провинился? – осведомился светловолосый варвар.

– Пока нет, – ответил здоровяк низким голосом.

– А вас случайно не Цзе зовут?

– Ты угадал.

– Я был бы рад угадать и то, за чем вы пришли.

– Если ты сейчас пойдёшь за мной, то узнаешь.

– А если не пойду?

– Если не пойдёшь – это плохо для тебя закончится.

Горноста́й поднялся и стал надевать уличный халат. Попутно пытался понять, кто же так сильно захотел его увидеть сейчас, среди ночи.

Едва ли это был учитель Ша. Учитель Ша определённо не хотел его видеть – ни днём ни ночью.

А если бы хотел избавиться от него навсегда, то просто убил бы во сне. Причём сделал бы это каким-то тайным приёмчиком, чтобы никто ни о чём не догадался.

Ну умер где-то в очередном «Уголке Спокойствия» бродячий мастер боевых искусств, тем более что из варваров. С такими это часто случается...

Значит, это кто-то пока неизвестный. Ну и хорошо: будет повод познакомиться.

Суровый Цзе ожидал его, не проронив ни слова. Они спустились, почти бесшумно, и пошли в ночь тесными переулками, где стужился влажный ночной мрак.

Город был не так уж велик, так что Горноста́й смог прикинуть, куда его ведут. Они шли не в сторону главной площади, но и не в сторону постоянного двора учителя Ша. Значит, это и правда кто-то третий.

Он не успел даже придумать новое предположение.

Цзе внезапно свернул во двор одного из домов, который ничем особенно не отличался от соседних. Горноста́й последовал за ним и начал подниматься по стёртым ступеням глухой, тесной лестницы.

Потом его втокнули в комнату, где на столе горели три здоровенных фонаря. А за столом сидел и постукивал по столешнице свитком человек, чьё лицо было ему незнакомо, но Горноста́й, хоть и был варваром, сразу понял, кто это, по одному взгляду на форменный фиолетовый халат этого человека. Только потом он заметил ещё двух людей, которые замерли в углах по обе стороны от окна.

Перед ним был градоначальник – человек, в руках которого была вся власть над этим городом.

Горноста́й поклонился, как положено, и почтительно присел на пороге – в полном соответствии с ритуалом. Градоначальник сделал знак свитком, и Горноста́й подполз поближе. Можно было начинать беседу.

– Я не видел смысла, чтобы от вас скрываться, – заговорил градоначальник. – Будет хорошо, если вам будет ясно, кто с вами говорит и чего хочет.

– Вижу, для этого дела вы специально наняли несколько уличных воинов, – осторожно заметил Горноста́й. А про себя добавил, что положение градоначальника, видимо, шаткое, раз у него нет ни одного чиновника, которому он доверял бы достаточно, чтобы поручить настолько деликатное дело, что приходится обращаться к бродячим мастерам боевых искусств.

– Ты считаешь такое недопустимым для имперского чиновника?

– Я просто осмелюсь порекомендовать вам в следующий раз учителя Ша. У него скверный характер, но интересные техники. А про законы я вообще не задумывался. Кто я такой, чтобы судить имперских чиновников?

– Ты хорошо отвечаешь, – заметил градоначальник, разворачивая свиток. – Однако ты не можешь мне запретить оценить тебя. Итак, что же мы о тебе знаем? Ты прибыл из неведомой страны и утверждаешь, что прошёл через Небесные Ворота, про которые мы слышали в старых сказках. Неопределённое, но долгое время, ты скитаешься где попало, но подальше от глаз чиновников, водишь дружбу с такими же скитальцами. Ты спас жизнь человеку, который примкнул теперь к мятежникам генерала, а ещё ищешь пристанища в монастырях варварской традиции Просветлённого, где многие симпатизируют мятежникам Красной Панды. Ты так и не стал подданным правящей династии, не платишь податей и не отбываешь повинностей. В одной столице уезда ты устроил неизвестно что на бойцовском турнире, а в другой – разоблачил чудовищный культ, хотя тебя об этом никто не просил. Были и другие дела, про которые меньше сведений, но даже этого достаточно, чтобы держать тебя подальше от нашего города.

– Раз меня пропустили в город, то решили, что навредить я точно не смогу. Если бы вы хотели меня казнить за все эти дела, то не стали бы даже вставать ради меня среди ночи, а просто, без разговоров, схватили бы толпой и передали палачу.

– А ты сам считаешь, что согласно закону заслуживаешь казни?

– В законах я не силен, – ответил Горноста́й, – среди рек и озёр их действие ослабевает. В мире боевых искусств всё решает внутреннее суждение. Но я уверен, что закон в этом городе и так настолько ослаблен, так что если бы вы хотели меня казнить, то казнили бы просто так. Всё равно в разгар теперешней распри ещё одну казнь никто не заметит. Особенно сейчас, когда армия Красных Повязок уже приближается к городу.

– Да, они определённо развивают успех. Прямо как написано в Нефритовом Комментарии к «Вёснам и Осеням»: «Уже завоевал Лун, и зарятся на Шу».

– Я не слышал этого выражения. Но слышал, что этот комментарий изучают для государственного экзамена.

– Ты умеешь не только драться, но и рассуждать. И даже читать, наверное, обучен. Это большая редкость среди уличных бойцов. Вот почему я тебя призвал. Желая я послушать твоё мнение: насколько город готов к обороне?

– Он готов ровно настолько, насколько вы его к ней подготовили. Вам виднее, если стены недостаточно крепки. Это мне о состоянии стен никто не отчитывается.

Даже в полумраке освещённой двумя фонарями комнаты было заметно, как помрачнело крупное, мосластое лицо градоначальника.

– Стены крепки, а народ в них гнилой, вот в чём дело, – произнёс он. – Как только повстанцы подходят к городу – тут же начинаются брожения, перебежки, саботаж. Иногда кажется, что оборонять совершенно пустой город было бы проще. Даже грустно думать, что именно их мы и спасаем.

– Ну так призовите к дисциплине! Вы же тут главный.

– Солдат можно принудить к дисциплине. Но есть ещё и простое население. И каждый из них только и ждёт, чтобы воткнуть нам нож в спину. Их долг – защищать законную династию, а они вместо этого пытаются угадать, какая из династий сейчас самая сильная.

– Это не удивительно. Я слышал: не раз бывало и так, что династия утрачивала Благодарь, а значит, и теряла Небесный Мандат, сменялась другой династией. Вот люди и оценивают теперешнюю династию по её успехам: каких чиновников выдвигают, какие решения принимаются.

– Определить, кто лучше и сильнее, может только сражение. У простого человека кругозора не хватит. Я же не зову их в ополчение, не заставляю жизнь отдавать против таких же ополченцев. Им достаточно подождать.

– Ну, если бы вы играли в игру «Окружение», это бы было так. Но в стратегии действуют живые люди. Они – не камешки и не фасолинки. И каждый может начать свою игру. Вот и не хотят они ждать. Хотят сразу оказаться с той династией, которая сильнее.

– Эти подлецы просто не понимают, что война – это и правда честная игра. Сила каждого войска – это результат усилий всех, кто за ним стоит. Кто прилагает усилия, тот и побеждает. Но лентяи не хотят усилий. Они как полевые подружки – хотят сразу очутиться в лагере победителя.

– Хорошие советы. Но исполнить их получится только у того, кто уже угадал сторону, что достойна Небесного Мандата, – и перебежал вовремя. А вот если ты оказался на другой стороне, где одни ворьё и болваны, то, как ни старайся, получишь в лучшем случае героическую смерть в бою.

– Кто тот стратег, который так рассуждает?

Горноста́й прислушался к своей памяти – и смог вспомнить.

– Его звали Холден Колфилд.

– Судя по имени – варвар и чужеземец.

– Он искал способ жить хорошо и мирно, и не зависеть от того, какая династия победит.

Но путь к рекам и озёрам так и не нашёл и умер довольно рано. Некоторые даже утверждают, что он вообще не существовал.

– Молодые люди легко видят проблемы. Но понятия не имеют, как их решить.

– Вы, взрослые, тоже обычно этого не знаете. Просто с возрастом достигаете виртуозности в том, чтобы проблем не замечать.

– А ты, получается, проблемы видишь и ловко убегаешь от них к рекам и озёрам.

– В этом отношении я скорее очень молод. Вижу боль, вижу много боли. Но не знаю, откуда она изливается. Стараюсь помогать людям как могу. Иногда у меня получается. Иногда всё идёт не так. Но я стараюсь. Стараюсь изо всех сил!

Губернатор поджал губы, его седые усы затрепетали.

– Вот именно потому, – изрёк он, – мне нужна как раз твоя помощь. Скажи, ты готов поступить на службу?

– На службу к вам... или к Вдовствующей Императрице?

– Я здесь её представляю.

– Согласно законам. А здесь, как мы уже говорили, они ослабевают. Поэтому я уточняю.

– Значит, ко мне. Можешь не беспокоиться, служба Вдовствующей тебя не запачкает.

– А что от меня будут требовать на вашей службе?

– Разве быть на службе недостаточно? Возможно, тебе вообще ничего поручать не будут.

Ты просто станешь моим человеком.

– Если бы вам просто был нужен человек, вы бы взяли себе бойца помладше. И не в вашем положении нанимать людей просто так. Слишком близко Красные Повязки подошли к городу.

– Если ты так хитёр, может, угадаешь, что же я хотел тебе поручить?

– Я полагаю, от меня потребуют что-то сделать с Разящим Ястребом. Это бывший придворный офицер, который примкнул к мятежникам. Он сейчас командует колонной Красных Повязок, которая движется сейчас к нашему городу. И он птица весьма высокого полёта.

Настолько высокого, что ваш человек Цзе достать его не сможет. И между тем надо как-то устроить, чтобы он умер, желательно как можно непонятней. Это приведёт его армию в смятение и позволит уберечь город.

– Раз ты смог это разгадать, то наверняка знаешь, как это проделать.

– Думаю, вам будет лучше поручить это этому вашему Цзе.

– Нет, я собираюсь поручить это тебе.

– Но почему?

– Ты сам мне сказал почему. Мне много докладывают, я знаю подробности, которые тебе неизвестны. Поэтому мне очевидно, что удалец Цзе тут не справится, а у варвара Горноста́я есть немалый шанс.

– Вам докладывают многое. Но учитываете ли вы то, о чём вам не решаются доложить.

– Если я чего-то не учёл, то рано или поздно об этом узнаю.

– Вам следует учесть, что это знание нередко приходит вместе с катастрофой.

– С моими расчётами я разберусь сам. Лучше просчитай и спланируй, как добраться до этого Разящего Ястреба.

– Вы собираетесь одним удачным ударом подавить огромный мятеж?

– Мятежники слишком полагаются на его удачу. В этом и сила, и слабость их стратегии.

– Я был бы не против убить этого недостойного человека. Но, скорее всего, охраняют его превосходно. Мой опыт подсказывает, что я не смогу его убить, а, скорее всего, сам погибну.

– Тебе нужно всё хорошенько рассчитать и спланировать, чтобы Разящий Ястреб всё-таки умер.

– Мои подсчёты показывают, что я буду нужнее в другом месте.

– Пожалуй, мне надо помочь тебе с расчётами. Если ты отказываешься – ты получаешь смерть. Если соглашаешься – у тебя будет шанс выжить, при условии, что Разящий Ястреб умрёт.

Повисла тишина, и было даже слышно, как потрескивают фитили в фонарях на столе и как где-то далеко, уже за городской стеной, смачно заржала кобыла.

– Если говорить словами поэта ушедшей эпохи: «Видать, не уйти от судьбы. Простите, я только чирикаю!»

– Что это за вирши такие?

– Вы могли не знать этой цитаты. Её не сдают на государственном экзамене...

И прежде чем градоначальник успел сообразить, на что он намекает, Горноста́й схватил стол и перевернул его, прямо столешницей по лбу градоначальника. Посыпались на пол, мигая, фонари. Громко выругался Цзе – но ни он, ни двое других удалцов не успели ничего сделать. Горноста́й уже подскочил к окну. Окошко было узкое, но он ещё в детстве усвоил – где пролезет голова, пролезет и всё тело. Легко и ловко, словно зверь горноста́й, он прошмыгнул в окошко и прыгнул в заполненный мраком двор.

5. Отрубленная голова

Горноста́й выскользнул на заполненный чернотой двор. А в полёте он пытался сообразить, куда спастись.

Возвращаться в «Уголок Спокойствия» было бы самоубийством. Искать в первую очередь его будут именно там.

Надо было бежать из города. Но он успел сообразить, что об этом тоже должны были позаботиться. Разумеется, все ворота заперты и приказано никого не впускать и не выпускать. Особенно долговязых светловолосых варваров. Градоначальник может сделать это простым приказом. Но он, конечно, добавил в приказ, что это делается из военных соображений, так что сторожить будут серьёзно.

Других мест в этом городе Горноста́й не знал. Город был не особенно велик, из тех, где неудобно жить, но легко обороняться. Тут вообще мало что могло поместиться.

Так что ему оставалось только одно: бежать на гостиный двор к мастеру Ша и надеяться, что его впустят. И ещё – что мастер Ша выдержит такую осаду.

Шансы на успех были невелики. Но по всем остальным направлениям поджидала смерть.

Горноста́й звонко приземлился на глинистую землю, бросился к воротам – и на нём тут же повисли двое. Он попытался вырваться, направил энергию в руки, но те, кто его схватил, были ребята крепкие и натренированные. Быстрее, чем сделаешь один вдох, они скрутили его и поставили на колени. Именно в ту специфическую позу «поверженной ласточки», из которой не только боевого приёма, а вообще ничего толком не сделаешь.

Но его они убили не сразу. Так что Горноста́й решил ждать, что будет дальше.

Тем более что ничего другого ему не оставалось.

Закрытый мешковиной проём, который вел на ту самую лесенку, была у него прямо перед лицом. Оттуда доносились шаги, всё ближе и ближе. Наконец, занавеска из мешковины отдернулась и во двор вышли Цзе и градоначальник. Даже в ночном полумраке было заметно, что один рукав официального фиолетового халата обожжён упавшим фонарём – хотя пожара всё-таки не случилось.

Только сейчас светловолосого варвара осенило: городничий был в официальном халате, потому что пришёл вербовать Горноста́я прямо с официального совещания.

Они уже не скрывались. И в руке у Цзе был меч – причём Горноста́й узнал его сразу. Это была легендарная Голова Демона – тяжёлая изогнутая сабля с широким клинком и тяжёлым обухом. На рукоятке вырезана голова демона, а в клинке проделано круглое отверстие. Такой хорошо рубить – и исключительно удобно обезглавливать!

– Вот и всё, – произнёс градоначальник и посмотрел на поверженного Горноста́я с таким видом, как будто его поимка была его главным достижением на высоком посту. – Дело важное, поэтому я не могу положиться на кого попало.

– Решение вполне разумное, – заметил Цзе.

– А теперь – отрубить ему голову.

– Есть отрубить голову! – гаркнул Цзе. Поднял саблю, которую называли Голова Демона, приметился – и одним ударом снёс градоначальнику голову.

Это был превосходный удар. Цзе был явно в нём опытен и искусен. Он отрубил голову с одного удара, ловко и начисто – только хрустнуло и кровь полилась на халат, и прежде, чем тело успело осесть на землю, он уже шмыгнул в темноту, а вернулся оттуда уже с головой. Держать её за фирменный пучок на макушке было очень удобно.

Потом подошёл к Горноста́ю, который по-прежнему стоял на коленях, и ткнул в плечо кончиком грозного меча.

– Тебе есть что мне сказать? – осведомился Цзе. – Кроме моего имени, разумеется.

- Думаю, вы хотите предложить мне присоединиться к Красным Повязкам.
 - Почему ты говоришь «Красные Повязки», а не «армия полководца Красная Панда»?
 - Потому что едва ли вы известите Красную Панду о моей скромной персоне.
 - Рассуждаешь точно. И что, ты согласен?
 - Да, разумеется.
 - Чем ты можешь доказать, что я могу тебе доверять? Ты перед лицом смерти, тут согласишься на что угодно.
 - Градоначальник предлагал мне службу тоже перед лицом смерти. Но я отказал.
 - А что ты скажешь о том, к чему призывают Красные Повязки? Тебе нравится их учение?
 - Я не думаю, что оно нравится Разящему Ястребу или вам. Но вы всё равно на его стороне.
 - Думаешь, Красные Повязки сами в это не верят?
 - Уверен, они рады любым союзникам. Они уверены, что, когда победят, всё равно вас переделают.
 - А если не получится?
 - Значит, нас казнят. Красные Повязки вешать любят.
- Цзе обдумал услышанное, а потом вдруг отсалютовал саблей и скомандовал:
- Освободите!
- Железные тиски на руках разжались. Горноста́й поднялся и отряхнулся.
- Что-нибудь ещё сказать можешь? – поинтересовался Цзе.
 - Думаю, вот это, – он указал на голову в левой руке, – даёт вам сейчас больше, чем это, – он указал на саблю, наточенную и отполированную с таким тщанием, что, забрызганная чёрной кровью, тускло отсвечивала даже в ночном полумраке.
 - Верно думаешь, – ответил Цзе, вытирая меч о волосы отрубленной головы. – Но тебе я его не отдам. Он мне ещё много раз пригодится. Двигай!
- И пошёл прочь. Горноста́й последовал за ним, а замыкали шествие те четверо, что охраняли комнату и ворота. Было ясно, что сторонники Красных Повязок по-прежнему ему не доверяют.
- Что было вполне естественно. С чего бы им доверять бродячему варвару, тем более мастеру боевых искусств!
- Они как раз проходили мимо гостевого двора учителя Ша. Ворота были заперты, внутри царил тишина – словно в осаждённой крепости. Новым гостям здесь были явно не рады.
- Интересно, на чьей стороне учитель Ша? Горноста́й знал его совсем немного, но догадался: учитель Ша не принимал ничью сторону. Старый мастер решил никому не помогать, но и ни с кем не ссориться.
- Интересно, как долго он сможет так балансировать?..
- Как бы долго ни балансировал, а обучать после падения не начнёт. А Горностаю надо было думать о будущем.
- Между тем они уже шагали по главной улице, особенно не таясь, потому что некого было таиться. Прямо по курсу на сумрачном небе темнели две башни по сторонам от городских ворот, похожие на рога. Прямо посередине между ними горела жёлтая точка подвешенного над створками фонаря.
- Цзе подошёл уже так близко, что мог бы доплюнуть до створок, когда дорогу ему преградил капитан и четверо рядовых в круглых шлемах.
- Кто такие, куда следуете и с какой целью? – спросил капитан. Его бледное лицо и чёрные усы в ночном полумраке казались размытым пятном.
 - Приказ градоначальника – открыть ворота! – заявил Цзе.
 - Открывать ворота категорически запрещено.
 - А не подчиняться градоначальнику – разрешается!

- Я его здесь не вижу.
- Делать ему нечего, ворота за вас открывать.
- Такой приказ отдаёт либо лично градоначальник, либо нужна грамота с печатью.
- Так вот она, грамота! – заявил Цзе и предъявил отрубленную голову.

Из перерубленной шеи ещё сочилась тонкая струйка крови. А света от подвешенного над створками фонаря как раз хватило, чтобы в искажённом лице можно было узнать градоначальника.

Ошеломлённый капитан замешкался, и это его погубило. Тяжёлый меч удалыца Цзе пронзил его насквозь. А в следующее мгновение четверо с дубинами, что окружали Горноста́я, бросились на солдат и, после недолгой борьбы, попросту забили их насмерть.

Горноста́й так и остался стоять в тени, глядя на это побоище и гадая: если он попадёт в лапы императорским войскам, как он сможет за такое оправдаться.

И может ли он сделать так, чтобы ему вовсе не пришлось оправдываться?

Между тем Цзе отшвырнул ненужную голову прочь и подошёл к воротам. Его спутники следовали за ним.

Тяжёлый засов вывалился из паза, и створки раздвинулись. С той стороны уже ожидали – в щель проскользнула одна тень, вторая, и вскоре под фонарём скопился уже небольшой отряд лазутчиков.

Какие-то из них нырнули в башни, спустя пару мгновений оттуда слышались предсмертные крики дозорных.

А кто-то просачивался в город, чтобы подготовить город к утренней капитуляции. Хотя ворота уже стоят нараспашку, нужно было дать понять остальному гарнизону, что сопротивление бесполезно.

За этой суетой никто и не заметил, что светловолосый варвар куда-то пропал.

* * *

Горноста́й пробирался липкими переулками. В одной руке посох, а в другой – голова градоначальника.

Он пока не знал, что будет с ней делать, просто захватил на всякий случай. Вдруг пригодится?

«Может, пойти и предупредить учителя Ша?» – подумал Горноста́й и сам удивился своей наивности. Старый мастер его прогонит, как и в прошлый раз. И голова тут не аргумент.

Куда же ему пойти? За ворота не убежишь – там лазутчики Красных Повязок, будут вопросы всякие задавать. Они поверят, что он согласился с ними сотрудничать, но не поверят, что его нужно отпустить просто так.

Горноста́й хорошенько обдумал своё положение – и внезапно обнаружил решение. Как он сразу-то не догадался!

Сейчас, когда градоначальник мёртв, а он больше не враг новым хозяевам города, он может смело возвращаться в гостиницу. И уже там, в «Уголке Спокойствия», досмотреть, наконец, сегодняшний сон.

Больше на ощупь, он довольно быстро нашёл путь к гостинице. Домишко в два этажа всё так же стоял в сиреновом полумраке, словно и сам был погружён в сон. Вокруг не было ни малейшего движения.

Стараясь не производить ни малейшего шума – для человека его мастерства и занятий то было совсем нетрудно, – Горноста́й вошёл в нижний зал и поднялся по лестнице к комнатам. Отодвинул дверь и обнаружил, что на его матрасе, который так и остался разложен, кто-то сидит.

Да что это за ночь такая! Откуда столько незваных гостей? Мёдом им тут, что ли, намазано?

Он пригляделся получше и опознал гостя. Это была дочка учителя Ша, с которой он разговаривал сегодня днём и даже пытался устроить свидание.

Она тоже его заметила и приветливо помахала рукой.

Горноста́й вошёл в комнату боком и остановился перед гостьей, ожидая каких-то объяснений. Но девушка только смотрела и молчала. Её лицо по-прежнему было в тени.

– Что ты здесь делаешь? – поинтересовался Горноста́й.

– Ну ты же хотел со мной встретиться.

– Да, говорил такое.

– Ну вот я и пришла.

Горноста́й нахмурился. И тут же сообразил, что в темноте его лицо всё равно толком не видно.

– И ты за такое решила меня убить? – поинтересовался он.

– Нет. Всё намного хуже.

– Куда уже может хуже?

– Я подумала и решила... ну... изменить моё решение.

Горноста́й помолчал. Ему тоже надо было обдумать. Потом он всё-таки спросил:

– Но почему ты пришла сюда?

– Я думала, ты собирался закончить здесь.

– Даже если это и так – почему?

– Я решила начать там, где ты заканчиваешь, – ответила девушка и хихикнула.

Горноста́й обдумал и это.

– Тебе не повезло, – наконец сказал он. – Точнее, не повезло мне. Не вовремя ты пришла.

– А что-то случилось?

– Случилось вот это, – ответил светловолосый варвар и продемонстрировал девушке отрубленную голову губернатора.

Он не мог видеть выражение её лица, но, кажется, девушка узнала, кто это, и несколько удивилась.

– Это ты сделал? – поинтересовалась она.

– Нет. Это сделали Красные Повязки. Они уже можно считать, что захватили город. Завтра с утра – только формальная капитуляция.

– Вот оно как... – протянула девушка. Горноста́й попытался опознать по её тону, обрадована ли она, или, может быть, удивлена, но ничего конкретного не различил.

Тем временем девушка уже поднялась с матраца и расправила длинное платье, которое казалось тёмно-серым при свете луны.

– Я думаю, – пояснила она, – перед таким событием и тебе, и мне надо хорошенько выспаться. Нам многое предстоит.

– Как хочешь, – ответил Горноста́й. Ему самому сегодня уже ничего не хотелось.

Девушка тем временем указала на небольшой бумажный пакет, который остался лежать на подушке.

– Я хотела передать тебе это, – пояснила она. – Дороги опасны, почтовая служба ненадёжна. Так что нужен герой с боевой подготовкой, чтобы доставить эту вещь.

– А куда её нужно доставить?

– Тебе по пути, это в Белых Горах. Название уезда написано прямо на обёртке. Отнесёшь его в чайную у Шепчущих Сосен. Тебе каждый подскажет, где она расположена, – это самая старая и уважаемая чайная, она почти ровесница этого города. То, что тебе дадут взамен, им самим без надобности. А тебе может сослужить хорошую службу на Небесном Турнире. Увидимся!

И прежде чем варвар успел осмыслить сказанное, выскользнула через окно, словно ласточка.

Горноста́й положил отрубленную голову в угол и замаскировал мешком. Он пока не решил, что будет с ней делать. Потом кое-как вымыл руки и опустился на кровать, ещё тёплую после сидевшей на ней девушки. Повертел в руках пакет, потом сунул его под подушку и лёг сам.

Ему очень хотелось спать. Сбылись надежды и опасения Маленького Тигра, скоро они узнают, что творят мятежники в захваченных городах.

Наутро, когда он проснётся, – там и посмотрим, что можно сделать. А пока – пусть будет оно как угодно, и пропадай любым пропадом!

Ночь длинная, снов множество, положение может измениться к худшему в любое мгновение. Не стоит ждать слишком долго и неизвестно чего...

* * *

Сначала ему приснилось, что он уже проснулся и собирается идти выяснять, но отрубленная голова проклятого градоначальника летала по комнате и не давала ему выйти. Даже после смерти этот человек причинял ему очередное беспокойство.

Потом Горноста́й очутился в другом интересном месте. Он старался всё тщательно запомнить, потому что прошлый сон оказался пророческим: Цзе существовал и в реальности, да и гора бессмертных вполне могла ему повстречаться.

Но вместо горы бессмертных он блуждал по каким-то горелым руинам. Не было ни выхода, ни смысла какого-то в этих блужданиях, одно сплошное утомление. Он даже пытался выйти на ту самую Набережную, хотя не был уверен, что она вообще находится в одном с ней городе и даже мире.

В конце концов, разве может гора бессмертных располагаться рядом с таким дрянным местом?

В довершение всех неприятностей, он был в этих руинах не один. Кто-то блуждал рядом, искал с ним встречи, чтобы напасть и попытаться убить.

Горноста́й не мог оценить силу неведомого врага. Он знал о нём мало. Не был даже уверен, что это человек.

Но зато почему-то точно знал, что это – женщина. И от этого осознания становилось ещё страшнее.

Женщины – опасные противники, у них по-другому течёт энергия, и это сумрачная, ночная энергия инь. Они вроде бы слабее мужчин, но из этого правила есть исключения. И непредсказуемость даёт им большое преимущество: навыки, отработанные против мужчин, могут против них не сработать.

Горноста́й отлично помнил, что женщины – самое страшное оружие кардинала. Пусть даже уже и не помнил, кто такой этот сам кардинал.

Единственное спасение – воительниц не так много. Большинство женщин предпочитают, раз уж ввязались в войну, не размахивать мечом лично, а попросту командовать армией, а то и просто, по примеру Вдовствующей Императрицы, снабжать армию, которую ведут куда следует генералы-мужчины. И таких цариц с королевами история знает немало...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.